ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СУДИМОСТИ

Г.А. Степанцов[1], *магистрант*
Е.П. Ходыкин[2], *магистрант*
[1]Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
[2]Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
[1](Россия, г. Нижний Новгород)
[2](Россия, г. Архангельск)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-2-3-137-141

Аннотация. *В статье исследуется проблема генезиса судимости, как уголовно-правового института присущего любому государству. Так авторы приходят к выводу, что институт судимости существовал и до его законодательного закрепления в уголовном законе какого-либо государства в том числе и Российского, в связи с чем данное правовое явление предложено именовать «протосудимостью». Также в статье делается вывод о том, что в отечественном дореволюционном законодательстве существовал институт судимости, однако так он не именовался. В свою очередь существование и эволюция данного института подтверждается авторами в ходе предложенного анализа дореволюционного отечественного законодательства.*

Ключевые слова: *судимость, протосудимость, уголовный закон, рецидив, преступление.*

Слово генезис в русском языке происходит от греческого слова genesis – происхождение, в толковом словаре Ожегова С.И. оно определяется как происхождение, история зарождения [15], Кузнецов С.А. определяет генезис, как происхождение, возникновение; история зарождения и последующего развития, образования, создания чего-либо [16]. Соответственно в данной статье мы будем говорить об истории становления судимости в уголовном законодательстве России.

Пусть нам и не известна, конкретная дата зарождения рассматриваемого института, мы всё же полагаем, что его появление не нужно априорно связывать с возникновением какого-либо государства, которое дало данному институту нормативное закрепление. Мы придерживаемся позиции, что судимость, как и ряд современных, правовых явлений (институт брака, купли-продажи, ответственности, наказания) имеет естественно-правовое происхождение, то есть наличие судимости как правового института в первую очередь связано с тем, что она непосредственно вытекает из природы человека и природы межчеловеческих отношений. Архенгольц И.А. указывает, что искана взаимоотношения в человеческом обществе строятся на определённом контрасте: «свой» и «чужой» [9 с. 77]. Так «провинившийся субъект» в древних оседлых обществах, которые преимущественно занимались земледелием подвергался стигме, что выражалось в том, что на «провинившегося субъекта» наносились различного рода знаки или метки, что выражалось либо в его клеймлении, либо членовредительстве, избавиться от таких знаков «провинившийся субъект» соответственно не мог. Данная стигма ассоциировала человека с такой категорией общества как «чужие», что соответствующим образом влияло на жизнь такого «субъекта» в отрицательную сторону. Например, с таким человеком, могли обрываться определённые социальные связи, его не допускали до сакральных ритуалов, относились к нему с опаской и т.п. В настоящее время подобный механизм трансформировался в институт судимости [9 с. 86-87].

Предпосылки законодательного закрепления судимости в российском законодательстве связаны с установлением института рецидива преступления в 14 веке, что

выражалась в усилении наказания лиц ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за повторяющиеся преступления. Так ст. 5 Двинской ссудной грамоты [1] была установлена усиленная ответственность за повторяющееся воровство, а именно, как отмечает Зимин А.А. [10], за первую кражу следовало продать имущество вора и вырученными деньгами оплатить стоимость украденного им; во второй раз полагалось распродать всё имущество вора, а при наличии исключительных обстоятельств его даже могли продать в холопы; в случае третьей кражи, вора лишали жизни. При этом за каждую кражу вор подвергался клеймлению, что свидетельствовало о юридическом факте привлечения лица к уголовной ответственности. Аналогично и в ст. 8 Псковской судной грамоты, также предусматривалась усиленная ответственность за повторное воровство [2].

Обращает на себя внимание и то, что по ст. 5 Двинской уставной грамоты и ст. 8 Псковской судной грамоты – факт привлечения лица к уголовной ответственности носил пожизненный характер, то есть в современном понимании такие лица были всю жизнь судимы. Такой жёсткий подход по всей видимости был предопределён тем, что власти отдельных княжеств/земель ставили своей целью – усиленное противодействие преступности, связанной с хищением чужого имущества.

С принятием Судебника Ивана 3 от 1497 года [3], также предусматривались нормы касающиеся судимости. В нём нашли своё отражение нормы о неоднократности преступления «рецидива» так ст. 11 и 13 устанавливали смертную казнь за повторное воровство (при чём если по ст. 11 судили вора, ранее пойманного и соответственно осуждённого за кражу, то по ст. 13 привлекали к ответственности воров избежавших уголовной ответственности за ранее совершённые кражи).

Судебник Ивана 3 также связан с развитием института рецидива, так если Двинская уставная и Псковская судная грамоты предусматривали усиление уголовной ответственности за тождественные преступления (татьбу) то Судебник Ивана 3 вводил особую группу людей – «ведомые лихие люди», данным термином обозначались лица, пользовавшееся среди местных жителей репутацией явных злоумышленников, закоренелых, профессиональных преступников, уже неоднократно проявлявших свои криминальные наклонности [11]. Так если лицо, обвинённое в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете ином преступлении оказывалось «ведомым лихим человеком», то оно каралось смертной казнью в соответствии со ст. 8, 9, 39 Судебника Ивана 3. В связи с чем можно заключить, что институт рецидива расширил сферу своего действия, распространяя его не только на повторяющиеся, но и на разные преступления, следовательно и факт осуждения человека за то или иное преступление в этот период имел более широкий характер чем в 14 веке.

Также можно полагать, что каких-либо пометок на теле преступника, позволяющих идентифицировать его как злостного преступника, не делали, так как это не следует из содержания Судебника Ивана 3 [9, с. 98], однако Петрова К.Г. и Федоров И.З. обращают внимание на то, что в зависимости от совершённого преступления у «ведомого лихого человека» могли иметься определённые следы от понесённого наказания, аргументируется такая позиция тем, что официально «рвание» ноздрей было отменено в 1817 г. [12, с. 362], а «клеймление» и наложение знаков на тело – в 1863 г. [13, с. 245].

Судебник Ивана 4 от 1550 года [4] сохранил и развил в себе ряд норм из Судебника Ивана 3 от 1497 года, (в том числе и нормы о рецидиве преступления). Так ст. 56 Судебника Ивана 4 дублировала ст. 11 Судебника Ивана 3, однако в новой редакции ст. 56 Судебника Ивана 4 закрепляла: 1) новый порядок расследования повторных краж; 2) новые виды ответственности за кражу: смертная казнь, пожизненное заточение в тюрьме. Статьи 59 и 60 Судебника Ивана 4 были сходны по своему содержанию со ст. 8, 9, 39 Судебника Ивана 3, ими также предусматривалось привлечение «ведомых лихих людей» к ответственности (в виде смертной казни) за такие преступления, как разбой, душе-

губство, ябедничество, подписку, татьбу и пр.

Соборное Уложение 1649 года [5] увеличило круг преступлений со специальным рецидивом. Так его можно увидеть в статьях: 1) о воровстве (ст. 9, 10, 12 главы 21), 2) о вылове рыбы из пруда или из сада татиным обычаем(ст. 90 главы 21), 3) о кормчестве, то есть о незаконном изготовлении и сбыте вина (ст. 1, 2 главы 25), 4) о продаже и хранении табака (глава 25).

Стоит отметить, что осуждение по ст. 9 или 10 Главы 21 Соборного уложения также влияло на дальнейшее место жительства лица, отбывшего наказание по данным статьям. Так лицо, уличённое в таких преступлениях и отбывшее соответствующее наказание, далее отправлялось в «Украинные города». Что позволяет констатировать качественный скачек в правовом статусе лиц привлекавшихся к уголовной ответственности, а следовательно, и говорящем о становлении протосудимости в российском законодательстве.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Соборное уложение не оперирует понятием «ведомые лихие люди» и соответственно не содержит тех норм о рецидиве преступления, которые предусматривались Судебниками Ивана 3 от 1497 года и Ивана 4 от 1550 года в отношении данной категории лиц, из чего можно сделать вывод, что Соборное уложение было гуманизированно в отношении данной социальной категории российских подданых, и соответственно о сужении действия такого явления как судимость, в его современном понимании.

Дальнейшее усиление наказания за повторяющиеся преступления, также прослеживается и в период становления абсолютизма в России при Петре 1 , так в ст. 189 и 191 Артикула воинского, было изложено, что при воровстве не выше 20 рублей вора полагалось «впервые шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругорядь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу» [6], в четвёртый раз такой человека полагалось повесить.

Уголовным уложением «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года, предусматривались ряд ограничений для лиц, отбывших наказания за совершённые преступления. Последствием отбытия наказания в виде каторжных работ было дальнейшее пожизненное поселение в Сибири (ст. 29), а также пожизненный запрет на вступление в государственную и гражданскую службу; невозможность избираться в третейские судьи, быть опекуном или попечителем, быть поверенным по чьим-либо делам (ст. 46) и др. Дополнительно данная категория лиц находилась под постоянным надзором местной полиции (ст. 47).Уложение также распространяло полицейский надзор в отношении освободившихся от работ в исправительных арестных ротах гражданских ведомств (в течение 4 лет) и бывших осуждённых в рабочем доме (в течение 2 лет), также в отношении этих лиц действовало ограничение права смены места жительства (ст. 51, 52). В данном контексте можно согласиться с Сиротовым А.Ф. и Кухтиной А.Ф, что эти последствия фактически являлись ограничениями общеправового характера судимости и некоторые из них имеют место, и в действующем уголовном законодательстве России [14, с. 15].

Значительные изменения в элементы судимости были внесены с принятием «Новое уголовного уложения» 1903 года (далее уголовное уложение) [8]. Были впервые определены сроки её погашения за повторяющиеся преступления: за тяжкие преступления – 5 лет, за преступление – 3 года, за проступок – 1 год после отбытия наказания (ст. 67). Если лицо совершало новое тождественное или иное преступление, не отбыв вышеназванные сроки, то применяемое к нему наказание усиливалось на основании ст. 64 уголовного уложения. Данное обстоятельство говорит о начале становления такого элемента современной судимости как её погашение.

В соответствии со ст. 34 уголовного уложения «приговоренные к каторге, ссылке на поселение или к заключению в исправительном доме, а также и к соединенному с лишением прав состояния заключенного в тюрьме (ст. 27) после отбытия наказания ограничивались в праве свободного передвижения по территории Российской Империи. В ст. 35 уголовного

уложения были указаны сроки этих ограничений, досрочного снятия они не предполагали.

При этом в отношении таких осуждённых предусматривалась ещё одна группа ограничений. В соответствии со ст. 30 уголовного уложения, в их отношении действовали запреты на то, чтобы быть опекуном или попечителем, состоять в службе в армии или на флоте, занимать церковные должности и пр. Носили они также срочный характер, так ст. 31 уголовного уложения предусматривала как сроки погашения таких ограничений, так и возможность их досрочного снятия, например в случае одобрительного поведения осуждённого, он мог по истечение половины вышеприведённых сроков просить об их сокращении, при условии, что проживает в последнем месте своего жительства не менее 2 лет.

Из всего вышеизложенного следует заключить, что термин «судимость» не использовался в дореволюционном уголовном законодательстве, однако уголовно-правовые явления схожие с современным институтом судимости всегда в нём существовали.

Библиографический список

1. Двинская уставная грамота 1397 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://музейреформ.рф/node/13622(дата обращения 03.04.2023).

2. Псковская судная грамота. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения 03.04.2023).

3. Судебник 1497 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://музейреформ.рф/node/13625 (дата обращения: 09.04.2023).

4. Судебник Царя и Великого Князя Иоанна IV Васильевича. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.historyru.com/docs/rulers/ivan-4/ivan-4-doc-sudebnik.html#/overview(дата обращения: 09.04.2023).

5. Соборное Уложение 1649 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения: 09.04.2023).

6. Артикул воинский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm(дата обращения: 09.04.2023).

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Санкт-Петербург: Тип. 2 отдния собств. е. и. в. канцелярии, 1845 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01002889696?ysclid=lhdrfaeqcu504503113(дата обращения: 09.04.2023).

8. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. – Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

9. Архенгольц И.А. Судимость и её общеправовые последствия: диссертация ... канд. юр. наук. – Екатеринбург. 2018. – 256 с.

10. Зимин А.А. Правда русская. – М., 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://annales.info/rus/zimin/zimpr_11.htm (дата обращения 03.04.2023).

11. Лоба В. Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV-XVI веков // Философия права. 2015 г. №5 (72).

12. Петрова К.Г., Федоров И.З. Уголовно-правовой институт судимости: возникновение, становление и современное состояние // Перспективы социально-экономического развития современного государства и общества: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (28 января 2014 г.). – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2014. – 456 с.

13. Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX веков. – М.: Зерцало: ТЕИС, 1995. – 263 с.

14. Сиратов А.Ф. Кухтина А.Ф. Судимость и ее уголовно-правовое значение. – Челябинск, 2018. – 71 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/24026/2018_578_siratovaf.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 09.04.2023).

15. Толковый словарь Ожегова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5038 (дата обращения 03.04.2023).
16. Толковый словарь Кузнецова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/kuznetsov/генезис (дата обращения 03.04.2023).

GENESIS OF CRIMINAL RECORD LEGISLATION

G.A. Stepantsov[1], *Graduate Student*
E.P. Khodykin[2], *Graduate Student*
[1]National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
[1](Russia, Nizhny Novgorod)
[2](Russia, Arkhangelsk)

Abstract. *The article explores the problem of the genesis of a criminal record as a legal institution inherent in any state. The authors conclude that the institution of a criminal record existed even before its legislative (codification) in the criminal law of any state, including Russia. Therefore, the authors propose to call this legal phenomenon "proto-conviction". The article also concludes that the pre-revolutionary Russian legislation did not explicitly use the term "criminal record", although the institution itself existed. The authors substantiate the existence and evolution of this institution through an analysis of pre-revolutionary Russian legislation.*

Keywords: *criminal record, about that criminal record, criminal law, relapse, crime.*